

2. *Штаерман Е. М.* Кризис III в. в Римской империи // ВИ. — 1977. — № 5.
3. *Gallion P.* Western Gaul in the third century // The Roman West in the Third Century. Contributions from Archeology and History. Part 2 / Ed. by A. King and M. Henig. — Oxford, 1981.
4. *Bleicken J.* Verfassungs- und Sozialgeschichte. Paderborn etc., 1981. — Bd. 1.
5. *Cameron A.* Das späte Rom: 284–430 n. Chr. — München, 1994.
6. *Chastagnol A.* Le Senat romain a l'époque imperiale. Recherches sur la composition de l'Assemblée et le statut de ses membres. — Paris, 1992.
7. *Demandt A.* Antike Staatsformen: Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt. — Berlin, 1995.
8. *Авторы жизнеописаний Августов:* Пер. с лат. С. П. Кондратьева / Под ред. А. И. Доватура // ВДИ. — 1958. — № 3; 1958. — № 4; 1959. — № 1–4; 1960. — № 1.
9. *Сергеев И. П.* Внешнеполитический фактор в истории кризиса III века в Римской империи // Вісн. Харк. ун-ту. — 2002. — № 566. — Історія — Вип. 34.
10. *Геродиан.* История императорской власти после Марка: Кн. I–VIII: Пер. с лат. Ю. К. Поплинского и др. // ВДИ. — 1972. — № 4; 1973. — № 1.
11. *Campbell J. B.* The Emperor and the Roman Army: 31 B.C.–A.D. 235. — Oxford, 1984.
12. *Mommsen Th.* Abriss des römischen Staatsrechts. Neue ungekurzte Ausgabe. — Darmstadt, 1982.

Резюме

Сергеев И. П. Громадянська війна 193–197 рр. н. е. та криза III століття в Римській імперії: спроба порівняльної характеристики

Автор статті визначає спільні риси та особливості громадянської війни 193–197 рр. н. е. та періоду римської історії між 235 та 284 рр. н. е. На цій підставі він приходить висновку, що вказана громадянська війна була окремою політичною кризою, а не початковою фазою кризи III століття, початок якої слід датувати не 193, а 235 роком н. е.

С. Б. Сорочан

ПОСЛЕДНИЙ МОНАСТЫРСКИЙ ХРАМ С БАПТИСТЕРИЕМ В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕ

Речь пойдет о крестовидной в основе, пятиапсидной церкви с закрытыми галереями с трех сторон здания, расположенной в юго-западной части городища, недалеко от заброшенного гидросооружения — большого

водохранилища (castellum aquae) и примыкающего к нему монументального архитектурного комплекса, в 15 м к северу от главной продольной улицы (рис. 1–2)¹. Раскопанный в 1906 г., он спустя полвека, после Великой Отечественной войны, оказался заброшен, в специальной литературе прошел тоже незаметно, удостоившись внимания немногих исследователей, без колебаний отнесших его к первой половине X в. [2, р. 25–34; 3, с. 230–231, рис. 131–132; 4, с. 218–220, рис. 113–115; 5, с. 73; 6, с. 233–234, рис. 33, 2; 7, с. 203–206]. Доследования памятника, проведенные в 2001–2003 гг. Е. Ю. Клеиной и профессором Познаньского университета А. Бернацки, выявили еще ряд помещений рядом с ним

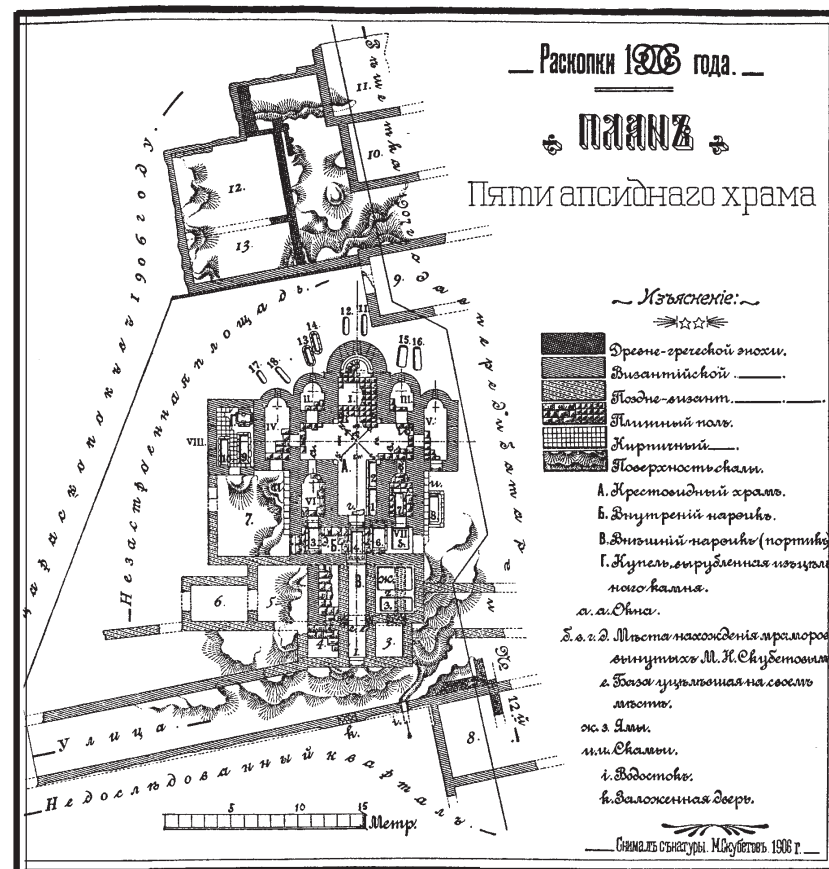

Рис. 1. План пятиапсидного храма. Чертеж М. И. Скубетова, 1906 г.

¹ Ныне невыразительные остатки храма находятся около северо-восточной оконечности вала бывшей батареи № 12. *Подр. см.:* [1, с. 66–78, табл. IV]

Рис. 2. Остатки монастырского комплекса с пятиапсидным храмом и крещальней. Вид с юга. 2002 г.

и захоронения, в том числе на центральной оси храма, которые остались незамеченными прежними раскопщиками [см.: 8, с. 3]. Они позволили интерпретировать храм как часть монастырского комплекса, обнесенного сплошной оградой, но не изменили дату начала функционирования памятника, более того, даже сдвинули ее ко второй половине IX в. С этой традиционной датировкой, — не позже первой половины X в., и без увязки с реконструкцией церковных обрядов, которые в нем могли проходить, он остается до сих пор. Между тем, обращение к его материалам позволяет по новому взглянуть на этот памятник и задаться интерпретацией, пересмотром уже известного.

В основе конструкции здание имело вписанный «простой» крест и две небольшие, изолированные угловые апсидальные пристройки с севера и юга [4, с. 218–220, рис. 113–115; 5, с. 73, рис. 23, б]. Стены его, сохранившиеся на высоту от 0,2 до 1,37 м, сложены правильными рядами из тесаных, хорошо пригнанных известняковых блоков с внутренней забутовкой на цемянковом растворе (только часть одной из стен сложена на извести с песком), тогда как апсиды тщательной выкладки положены уже на «земляном растворе». Поначалу храм имел с западной стороны небольшой узкий нартекс (8,56×1,60 м), к которому позже достроили, видимо, первоначально запланированный проектом еще один, внешний, тоже сложенный на извести с песком, четырехугольной формы (5,32×3,81 м по внутреннему обмеру). В него попадали с поперечной улицы, отходившей от расположенной по соседству главной продоль-

ной улицы, через три, очевидно, арочных входа шириной примерно по 1,25 м каждый, разделенных колоннами.

Длина всего храма внутри от порога до заплечиков главной апсиды — 10,45 м, ширина — 8,67 м, то есть по меркам херсонитов он имел небольшие для ранней, но вполне стандартные для поздней эпохи параметры и площадь для молящихся была не просто ограничена, но еще и расчленена на части. Тем не менее именно малые размеры церкви позволяли рассматривать ее интерьер как единое целое. Очевидно, над центральной частью храма на четырех внутренних арках покоился небольшой купол или крыша на четырех ската, которые придавали контуру массива здания пирамидальный вид, подчеркнутый пониженными угловыми частями и приделами (рис. 3) [9, с. 51–52]. Центральная часть храма и прилегающие к ней концы креста были выстланы каменными плитами разной величины и, как было принято в византийских городах, включали мраморные фрагменты вторичного использования (капитель VI в. в виде усеченной пирамиды с крестами на боковых гранях, профилированные карниз, плита). Алтарная часть, вымощенная небольшими квадратными мраморными и известняковыми плитками, отделялась каменной преградой из известняковых колонн диаметром 0,26 м и профилированных плит — экранов высотой около метра, шириной 0,75 м и толщиной 0,01 м, по центру которых был оставлен проход шириной около 0,8 м — «царские врата». В главной апсиде был устроен невысокий, рассчитанный на небольшое число клириков синтрон в две ступени, хорошо сложенный «по циркулю» из тесаного камня, оштукатуренного, как и прочие стены храма, тонким слоем извести с соломой и мелким песком. Небольшие боковые пастофории, очевидно, професис — жертвенник с северо-востока и диаконик с юго-востока, не сообщались с алтарной частью, как было принято в послеиконоборческих храмах, имели по одному входу шириной 0,82 м и, видимо, окна в апсидах. Полы этих помещений тоже были вымощены известняковыми плитами.

Рис. 3. Аксонометрическая реконструкция пятиапсидного храма (по Е. Кленовой, А. Бернацики)

Центральная часть здания сообщалась дверями с левым и правым боковыми, внутренними помещениями — крошечными самостоятельными приделами-капеллами площадью около 8–9 м², оканчивающимися внутренними апсидами (длина обоих помещений по обмерам

К. К. Косцюшко-Валюжинича — 3,92 и 3,88 м, ширина — 1,82 м, ширина апсид — 1,38 м, глубина — 0,73 м). К ним с запада примыкали парамощеных плитами еще более миниматюрных апсидальных прямоугольных помещений (3,28×1,78 м), тоже с самостоятельными входами, которые имели оконные отверстия, смотревшие внутрь крестового храма. Их отличает лишь то, что в правом (южном) помещении на расстоянии 0,4 м от заплечиков апсиды находилась деревянная перегородка с дверью, отделявшая алтарную часть [1, с. 74]. Здесь же в полу была устроена прямоугольная, не покрытая плитами пола могила с несколькими костяками, между которых лежали лишь «несколько бронзовых шаровидных пуговиц», типичных для средневековья, и одна сильно изъеденная окисью монета, не поддающаяся определению [1, с. 75].

Прямоугольное пространство наоса перед центральной апсидой было покрыто двускатной деревянной, стропильной крышей, от которой во время раскопок обнаружилось большое число горелых балок и досок. Такими же односкатными или двускатными крышами на балках были перекрыты остальные части храма, поверх которых лежала кровельная черепица, большинство обломков которой сохранили рельефную метку в виде К [1, с. 66, 75]. А. Л. Якобсон относил эту группу меток как к поздневизантийским местным изделиям XII–XIII вв., так и к более раннему времени, скорее всего, к IX–X вв. [3, с. 126, 129, табл. 7; 10, с. 97, рис. 58, 69, 91, группа 6; с. 148, 154, рис. 97, 62–68]. По данным А. И. Романчук, черепицы с меткой в виде «каппы» входили в комплекс материалов из дома в портовом квартале 2, который был построен не ранее середины XI в. и сгорел не ранее конца XIII в. [6, с. 124, группа 1, рис. 47]. К сожалению, не имея сведений о высоте, форме бортика, характере, цвете глины найденных фрагментов черепицы, наличии или отсутствии на них ангоба, выразительности или слабости рельефа, с которой была выполнена метка и водосливные валики, внести ясности в этот вопрос не представляется возможным.

Время сооружения следует определять, учитывая общую композицию самого здания и технологию постройки, в частности, кажущуюся близость ее первоначальной кладки кладке стен крестовокупольного храма № 29 на большой агоре, на что обратил внимание А. Л. Якобсон [4, с. 219]. Немаловажное значение имеет также то, какие условия храм создавал для литургической жизни. На первый взгляд, действительно, ничто не мешает отнести появление памятника, по крайней мере, ко второй половине–концу IX в., тем более, что позднейшие общественные постройки, например, даже такие, как богато отделанный базиликальный храм X в. в комплексе византийского претория в «цитадели», возводили, как правило, без использования известкового и тем более цемянкового раствора. Подобный «сложный», синтезный тип крестовокупольного здания и пятинефного храма именно в это время привел к по-

явлению в Константинополе нового типа культового здания, который стал господствующим с X–XI вв. [9, с. 146]. Поэтому херсониты в очередной раз следовали в своем архитектурном решении явному влиянию не столько малоазиатского, сколько столичного зодчества. И тем не менее вопрос о датировке постройки должен основываться не только на этих архитектурных аналогиях, уводящих в IX–X вв.

В нартексе храма, выложенном прямоугольными каменными плитами (рис. 4), находились четыре прямоугольные могилы, отчасти вырубленных в скале, обмазанных цемянкой хорошего качества и, за исключением одной, засыпанной землей, перекрытых плитами пола, положение которых показывает, что кимитирий был устроен одновременно с храмом, еще до того как были возведены его стены и положены дверные пороги. В трех могилах с многоярусными погребениями оказалось от 15 до 20 костяков, но среди монет, найденных с ними, определению подлежали лишь семь монет, которые были автором отчета отнесены к выпуску времени Романа I Лакапина (920–944) [1, с. 69–70, мог. № 3–6]. Четвертая могила с двойным захоронением содержала медную монету очень плохой сохранности, но была, кроме плит пола, перекрыта еще восемью красноглиняными, хорошего обжига черепицами (0,42×0,35×0,15 м, то есть с высоким бортиком) с рельефной меткой К, как и черепицы с кровли. Возможно, оттуда, с кровли, их и взяли. Две оштукатуренные известью, прямоугольные

Рис. 4. Пятиапсидный храм. Вид с запада после расчистки в 2001 г.

могилы внутри храма, ближе к алтарю, тоже сохранили по 10–15 костяков, положенных один на другой, и по четыре «монеты Романа I», которые К. К. Косцюшко-Валюжинич определил по новейшему на тот момент каталогу А. В. Орешникова [1, с. 73–74, мог. №1–2; *ср.*: 11, с. 12, табл. IX, 33, 35]. Ссылаясь на эти нумизматические данные, Н. И. Брунов, а вслед за ним А. Л. Якобсон относили всю постройку ко времени первой половины или середины X в., с чем до сих пор соглашались исследователи [2, р. 28; 3, с. 230; 4, с. 219; 5, с. 73; 6, с. 234; 7, с. 205]. В пользу того, что пятиапсидный храм уже мог бы функционировать в это время, будь датировка монет верной, свидетельствует то, что к первоначальной постройке херсониты позднее пристроили с северо-восточной стороны прямоугольное помещение площадью 12,3 м² (4,46×2,75 м) с большой стационарной известняковой купелью и со стенами, сложенными из бутового камня уже не на извести, а на грязи, как это стало принято к концу раннесредневекового периода (рис. 5). Пол его был выложен ранневизантийской квадратной плинфой (29×29×3 см) явно вторичного использования, на что указывают остатки цемянки на ней¹. Под этими кирпичами тоже были устроены

Рис. 5. Помещение баптистерия с северной стороны пятиапсидного храма

¹ Скорее всего, плинфа была взята из переставшего функционировать ко второй половине IX в. соседнего общественного архитектурного комплекса у городского водохранилища [7, с. 206–214]. Его кладка *opus mixtum* состоит из кирпичей тех же размеров, которые нетрудно было выломать из крошащегося известкового раствора.

две вырубные прямоугольные могилы, перекрытые плитами, замазанными цемянкой, и тоже с медными «монетами Романа I», как и в более ранних частях храма. Видимо, здесь похоронили немногих избранных, скорее всего, из числа клириков, великосхимников. Так, в одной из гробниц, оштукатуренной крупнозернистой цемянкой, среди остатков сильно истлевшей материи лежал лишь один костяк со сложенными на груди руками, в ногах которого стоял маленький красноглиняный кувшинчик, перекрытый ситечком с пятью дырочками, тогда как монет было четыре. В соседней могиле находилось двойное захоронение и шесть аналогичных монет.

Однако ключ к разгадке датировки пятиапсидного храма заключается в том, что К. К. Косцюшко-Валюжинич вслед за А. В. Орешниковым принял за монеты Романа I самые распространенные в позднем Херсоне городские выпуски медных монет с монограммой из греческих букв «ро», напоминающей по форме якорь, а на обороте — крест на ступенях в линейном или точечном ободке [11, с. 12–13, табл. IX, 33–41; 12, с. 4, табл. 13, 14]. Такого рода ошибки допускались им не раз. Как ныне хорошо известно специалистам, монеты с «ро» стали отливаться на местном монетном дворе не ранее второй половины–конца XI в., после чего они находились в обращении до XIII в. включительно [*ср.*: 13, с. 66–89; 14, с. 121–124; 15, с. 121–124, 128–129, № 456–480; 16, с. 53, 61–63; 17, с. 5; 18, с. 187–191]. Следовательно, помещение, несмотря на наличие захоронений, несомненно являлось одной из самых поздних средневековых

Рис. 6. Крестообразная купель в баптистерии пятиапсидного храма

стационарных крещален, что уже само по себе уникально, поскольку в практику крещального обряда давно вошли портативные, переносные купели, ставившиеся в нартексе или в западной части боковых нефов храмов. Принято считать, что в X–XIII вв. надобность в обособленных баптистериях уже отпала, таинство крещения проходило внутри храма и потеряло связь с литургией и Евхаристией [см.: 19, с. 268]. Херсонесский памятник опровергает это представление и указывает, что такие стационарные крещальни в провинции доживают до конца этого периода, демонстрируя сравнительно устойчивый континуитет.

В углу баптистерия пятиапсидного храма находилась массивная купель, вырезанная из цельной кубовидной глыбы известняка (длина — 1,27 м, ширина 1,09 м, высота — 0,83 м) с выемками в углах, придающими ей в плане форму греческого креста (рис. 6). Водоем имел внутри скругленные углы, глубину — 0,74 м, длину — 0,97 м, ширину — 0,62–0,65 м и сточное отверстие диаметром 8 см. В однокамерную крещальню, где, следовательно, проводили все части таинства, вплоть до миропомазания (конфирмации) (рис. 7), попадали с небольшого двора, с юго-запада примыкавшего к храму (пом. 7 по плану М. И. Скубетова), и здесь же за неимением другого места, очевидно, происходила начальная часть обряда крещения — отречение неофитов от сатаны (экзорцизм).

Ко времени этого позднейшего строительства баптистерия — мартирия экзонартекс основного здания оказался снесен и на его месте построены новые помещения (пом. 3–6) [1, с. 68]. Сквозь них ко входу в храм с запада вел узкий коридорообразный проход, начинавшийся такой же узкой дверью шириной 0,75 м. Доследования 2003 г. показали, что с севера внутри ограды комплекса находилось еще несколько помещений, которые можно интерпретировать, скорее всего, как трапезную, кельи и подсобные службы размещенного здесь городского монастыря [8, с. 3]. Вместе с предыдущими достройками, постоянно вносившими изменения в первоначальный замысел, все это в очередной раз демонстрирует специфику византийской «текущей» или «из-

Рис. 7. Крещение. С византийской миниатюры XI–XII вв.

менчивой», аддитивной формы проектирования, которая нашла отражение в работе и херсонских ремесленников — икодомов конца средневизантийского периода [ср.: 20, р. 86–127].

Примечательно также, что вне храма, за алтарем, всеоразно по отношению к центральной апсиде было устроено четыре пары вырубных могил длиной от 0,88 до 1,77 м, шириной от 0,27 до 0,53 м, глубиной от 0,22 до 0,53 м, в каждой из которых было совершено по одиночному погребению ребенка, с руками вдоль туловища [1, с. 76–77, мог. № 11–18]. Следовательно, мы имеем дело с редким случаем, вероятно, элитного детского участка кладбища, возникшего на монастырской территории внутри поздневизантийского города, тогда как даже за пределами оборонительных стен такие участки не встречались со времен поздней античности [21, с. 228–240]. Обращают также внимание находки в монастырских захоронениях как мужчин, так и женщин, причем, судя по наблюдению палеоантрополога Д. Пономарева, последние преобладали и имели возраст в основном 30–35 лет [8, с. 3]. Схожая картина наблюдалась в погребениях другого, более раннего, раннесредневекового комплекса с Западной базиликой (№ 13), интерпретируемого как известный из нарративных источников «дом» св. Леонтия Киликийского. Завершавшая его южную галерею одноапсидная церковь, действовавшая в X в., имела могилы с многоярусными захоронениями, в числе которых тоже были мужчины, женщины, дети [7, с. 179–180]. Видимо, это была достаточно давняя, прочно укоренившаяся практика для монастырей византийского Херсона, которая допускала, надо полагать, с разрешения епископа, погребение в таких местах не одних лишь клириков.

Итак, нумизматические материалы показывают, что монастырский комплекс с пятиапсидным крестовидным храмом не мог быть связан с событиями осады города войсками князя Владимира и пострадал от иных врагов. Как большинство прочих храмов в западной части городища (поздняя «базилика на холме», тетраконхальный теофанический мартирий в память о чуде епископа Капитона), он гораздо позже, во второй половине XIII в. или даже в XIV в., погиб в пожаре, от которого остался мощный, до 0,75 м слой горения, куски обугленных дубовых балок [6, с. 233–234]¹. Вместе с ним сгорели и примыкавшие к нему постройки, после чего жизнь здесь уже не возродилась [1, с. 78 («К С.-З. от храма и помещений № 6 и 7 скала носит явные следы пожара, одновременного, нужно полагать, пожару храма»)].

Пример этого позднего культового сооружения убедительно свидетельствует в пользу приверженности херсонских ремесленников-

¹ Это же подтверждают обнаруженные в слое разрушения пара серебряных монет XIII в. [8, с. 3].

практиков к традиционным, заимствованным из раннего средневековья приемам строительства стационарных однокамерных (не процессионных) крещален, в том числе крещален — мартириев, которые они продолжали возводить наряду с использованием портативных, переносных купелей, гораздо более привычных для церковной практики этого времени.

В целом, пятиапсидный храм наглядно демонстрирует эволюцию развития от общественного культового здания к монастырской «домовой» церкви с небольшими, замкнутыми помещениями для узкого круга молящихся — иноков, а также ктиторов храма, их семей и приближенных [ср.: 22, с. 69]. По сути дела, вся внутренность здания разбивается на отдельные капеллы, часовни, молельни, связанные с главным алтарным помещением дверями и даже окнами. Дополнение храма такими «ячейками» указывает на более прямой и личностный характер молитвы, на прямой контакт верующих с иконами, сокращение расстояния до них [20, р. 8–9]. Индивидуальная молитва, в противовес коллективной, в поздневизантийское время является характерной чертой, нашедшей отражение в архитектуре. Как подчеркивает Роберт Тафт, литургическая жизнь становилась «более компактной и более частной» [23, с. 87–88]. Городские обрядовые шествия и ритуалы разыгрывались теперь в значительно сократившемся пространстве. В дальнейшем миниатюрные молельни, как правило, сочетавшиеся с многоярусными усыпальницами — кимиториями и редкими могилами с одиночными или двойными захоронениями, очень удачно оказались связаны с идейным течением исихазма, изоляционистской религиозной и культурной мистической концепцией, пассивной по своему существу, нацеленной на внутренний мир личности, призывавшей к индивидуальному общению с Божеством и, вместе с тем, на какой-то момент явившейся символом сплоченности ромейского общества на уровне государственной идеологии. Херсонская культовая архитектура последних веков существования города, видимо, тоже развивалась в русле этих строительных, литургических и ментальных процессов, что заслуживает дальнейшего изучения.

Литература

1. *Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе*//ОАК за 1906 год. — СПб., 1909.
2. *Brunov N. Une eglise byzantine a Chersonese*//Orient et Byzance. IV: L'art byzantin chez les slaves. — Paris, 1930.
3. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.)//МИА. — 1950. — № 17.
4. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес//МИА. — 1959. — № 63.
5. *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. — М.; Л., 1964.

6. *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург, 2000.
7. *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Херсонес—Херсон—Корсунь. — К., 2003.
8. *Калько А.* Раскрыта еще одна тайна Херсонесского городища//Слава Севастополя. — 2003. — № 155 (21601). — 27 августа.
9. *Протоиерей Александр Пелин.* Топография христианского Херсонеса IV—XIV века: Дисс. ... канд. богословия/Московская Духовная академия. — Сергиев Посад, 2001.
10. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. — Л., 1979.
11. *Орешников А. В.* Херсоно-византийские монеты//Труды Московского нумизматического общества. — М., 1905. — Т. 3. — Вып. 2 (отд. отт.).
12. *Орешников А. В.* Херсоно-византийские монеты (Дополнение). Памяти К. К. Косцюшко-Валюжинича//НС. — М., 1911. — Т. 1 (отд. отт.).
13. *Соколова И. В.* Датировка некоторых монет Херсонеса//НС. — 1968. — Вып. 3.
14. *Анохин В. А.* Обзор монетного дела средневекового Херсонеса//НС. — 1968. — Вып. 3.
15. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. — К., 1977.
16. *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. — Л., 1983.
17. *Алексеев Н. А.* К вопросу о денежном обращении и развитии торговых связей Херсонеса в XIII веке//Хсб. — 1997. — Вып. 8.
18. *Алексеев Н. А.* К вопросу о деятельности херсонесского монетного двора в XIII столетии//Хсб. — 1996. — Вып. 7.
19. *Завадская И. А.* Баптистерии Херсонеса (к истории крещального обряда в ранневизантийский период)//МАИЭТ. — 2002. — Вып. 9.
20. *Ousterhout R.* Master Builders of Byzantium. — Princeton, N. J., 1999.
21. *Бунятян Е. П., Зубарь В. М.* Новый участок детских погребений позднеантичного некрополя Херсонеса//СА. — 1991. — № 4.
22. *Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии средневековой архитектуры. — Л., 1985.
23. *Тафт Р. Ф.* Византийский церковный обряд. — М., 2000.

Резюме

Сорочан С. Б. Останній монастирський храм з баптистерієм у пізньовізантійському Херсоні

Досліджений у статті храм мав п'ять апсид і знаходився в південно-західному районі міста. Його знайдено в 1906 р., дослідження продов-

жено в 2001–2003 рр. Вони показали, що церква входила до монастиря, який мав житлові та підсобні господарські приміщення, оточені огорожею. З півночі до храму прилягало приміщення площею 12,3 кв. м, яке було хрещальною з великою кам'яною купеллю у формі грецького хреста. Поряд знаходився невеликий двір, у якому могла відбуватися підготовка до обряду та процедура зречення диявола.

Датою спорудження храму називають другу половину IX–першу половину X століття. Однак монети з могил церкви відносяться не до часів правління Романа I, як зазначав перший дослідник храму К. К. Косцюшко-Валюжинич. Вони — пізньохерсонеські з монограмою «ро», і їх треба датувати другою половиною XI–XIII ст.

Пам'ятник є яскравим прикладом пізньої монастирської церкви зі стаціонарним баптистерієм, який одночасно слугував за мартирій. Під його підлогою з плінф знаходилися дві могили. Особливістю архітектури комплексу є мініатюрні капели площею 7–9 кв. м. Їх розміщено у внутрішньому просторі храму. Це відображає зміни в літургічному житті, бажання зробити молитву більш особистою, приватною, наблизити її до ікон.

Монастир перебудовували кілька разів. Він загинув під час пожежі в другій половині XIII чи в XIV ст. До цього часу у ньому діяв елітний дитячий цвинтар. У багатоярусних могилах — кімтирії всередині церкви з п'ятьма апсидами ховали чоловіків і, особливо часто, жінок. Ймовірно, вони були з числа ктиторів та членів їхніх сімей.

А. Н. Токарев

О ЦЕЛЯХ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОКТАВИАНА АВГУСТА

В череде внутривластических мероприятий, проведенных императором Августом, важное место занимает законодательство в отношении семьи и брака, составившее, по сути, главное содержание всей законодательной деятельности принцепса. Текст самих законов до нас не дошел. В трудах античных авторов (Проперция, Горация, Веллея Патеркула, Тацита, Флора, Диона Кассия и др.) содержатся лишь общие замечания о них. Наиболее полную информацию об этих законах дают нам юридические памятники и, прежде всего, Дигесты. Относительная скудость свидетельств источников по этому вопросу породила в современной историографии нескончаемые споры. Но несмотря на все попытки исследователей, всеобъемлющей оценки это законодательство все еще пока не получило.

В историографии, посвященной изучению семейного законодательства Августа, наметилось несколько подходов. Ученые, представлявшие морализаторское направление, не стремились понять причины принятия семейно-брачного законодательства, вполне соглашаясь с их трактовкой в официальных источниках эпохи Августа. Их основное внимание было направлено на моральную оценку поступков Августа и его ближайшего окружения, с мотивом явного осуждения [1, с. 219; 2, с. 162; 3, с. 101; 4, р. 443, 445].

Большое число приверженцев имел демографический подход. Исследователи, занимавшие такую позицию, рассматривали брачное законодательство как один из стимулов увеличения гражданского населения, сократившегося за время гражданских войн [см., напр.: 5, р. 425–484; 6, с. 482, 484].

В советской историографии, традиционно, большое внимание уделялось социальным и политическим причинам принятия законов о браке и семье. По мнению большинства ученых, семейная политика Августа была направлена на преодоление двух обстоятельств: численного уменьшения гражданского населения и просачивания в ряды гражданства провинциалов и вольноотпущенников [7, с. 403; 8, с. 418–426; 9, с. 114–115; 10, с. 115]. Кроме того, подчеркивалась связь брачного законодательства с политикой укрепления рабовладения [8, с. 418–426].

Современные исследователи стремятся выйти за рамки этих подходов, акцентируя свое внимание на отдельных аспектах семейного законодательства Августа. Оригинальную трактовку законов о браке и семье предложил М. Леви. Говоря о сословной направленности законов, итальянский ученый видит в них средство для шантажа аристократии [11, р. 175]. По мнению К. Галински, семейное законодательство Августа связано с «империалистической» политикой первого императора, законы которого были направлены на возрождение старой аристократии, призванной повелевать подчиненными народами. Поэтому она должна быть высокоморальной, так как только в этом случае завоевание Римом других народов оправдывает себя в глазах самих римлян и с точки зрения *ius gentium* [12, S. 126–144]. Венгерский исследователь П. Шиллаг связывает семейное законодательство с ориентацией Августа на прошлое и нравы предков [13, р. 138]. Для Я. Ю. Межеричко брачно-семейное законодательство было составной частью обширной программы восстановления «нравов предков» и шире — всего комплекса мероприятий, направленных на создание гармонизированного общества («республики») посредством политического урегулирования и нравственного очищения [14, с. 239].

Таким образом, историография семейного законодательства Августа проделала эволюцию от общих морализаторских оценок к попыткам рационального объяснения целей и причин его принятия. За более чем